

профессиональной мобильности и др. Развитие студента как будущего специалиста социальной сферы, осуществляется в процессе акмеологического влияния и в тесной взаимосвязи с теми преобразованиями, которые произошли и происходят в обществе.

Литература:

1. Кириченко, А.В. Акмеологическое воздействие в профессиональной деятельности / А.В. Кириченко. – М. : Наука, 1999.
2. Мицкевич, Н.И. Дидактика повышения квалификации: инвариантные характеристики / Н.И. Мицкевич. – Минск: РИВШ, 2009.

ПРОБЛЕМА ИНФОРМАЦИИ И ЗНАНИЯ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

Е.Б. Ивушкина, О.С. Бурякова, Н.И. Морозова, г. Шахты, Россия

Проблемы, связанные с информатизацией современного общества, приобрели особый смысл и контекст в рамках постмодернистского дискурса. На наш взгляд, позиция теоретиков постмодернизма относительно качества информации, с которой по преимуществу имеет дело современный человек, может быть выражена в одном ёмком высказывании Ж. Бодрийера: «Мы находимся во вселенной, в которой становится все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла» [1].

Понятие «знание» становится одним из главных объектов постмодернистской критики по той причине, что оно находилось в центре новоевропейской парадигмы, составляло одну из её главных и неоспоримых ценностей. С приходом Новой парадигмы (постмодернизма) знание стало трактоваться как результат тоталистической мысли, насилия Разума, его претензий на абсолютную истину, а, следовательно, власть. Основной удар был сделан по научному знанию как наиболее директивному, претендующему на объективность и общезначимость. Рамки и границы модных научных направлений, подобных кибернетике, экологии, исследованиям сложности, хаоса быстро размываются лавинами публикаций, быстро нарастает какофония смыслов [4].

Среди представителей постмодернизма, которые наиболее глубоко проанализировали проблему информатизации современного общества и культуры следует назвать французского философа Ж. Бодрийера. Он называет современное состояние общества – массой, с приходом массы наступает «конец социального» и происходят радикальные трансформации с понятиями «смысл» и «знание». Вывод Ж. Бодрийера относительно современного информационного общества неутешительный: «рациональная коммуникация и массы несовместимы». Истина, смысл, знание исчезают. Все призывы к повышению уровня осведомленности масс, основанные на логике здравомыслия, бесперспективны, массам не

нужен ни смысл, ни знание, ни истина. Им интересны только зрелища и знаковость [2].

Другой классик постмодернизма – Ж.-Ф. Лиотар – в работе «Состояние постмодерна» также основной акцент делает на проблеме знания и информации. Однако, в отличие от Ж. Бодрийера, чей язык и стиль философствования имеет ярко выраженный экспрессивный авторский колорит, рассуждения Ж.Ф. Лиотара до определенного момента весьма созвучны классикам информационного общества. Начинает он с того общего места, что многочисленные трансформации в современном обществе связаны с изменением статуса знания: оно становится основной производительной силой. Знание перестает быть самоценным; его предназначение – быть основным экономическим ресурсом. «Знание производится и будет производиться для того, – пишет Лиотар – чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте, и в обоих этих случаях, чтобы быть обмененным» [5].

Кроме своего экономического статуса знание приобретает особый политический статус: «знание уже является и будет важнейшей, а может быть, самой значительной ставкой за власть» [5]. В этом контексте Ж.-Ф. Лиотар ставит вопрос о легитимации знания, то есть тех границах, которые определяют что верно, а что нет, что истинно, а что ложно. Проблему «власть-знание» он решает, во многом опираясь на идеи М. Фуко [6]. С этого момента рассуждения французского философа приобретают специфические для постмодернизма черты. Прежде всего, он разрабатывает понятие «нарратив», которое обозначает сложившуюся в конкретный исторический период форму употребления знания. Нарративы представляют собой повествовательные структуры, определяющие ту или иную разновидность дискурса.

В работе «Состояние постмодерна» Ж.-Ф. Лиотар указывает на необходимость разделять знание на научное и нарративное. Знание не сводится к науке и к познанию как таковому, оно включает нечто большее, некий остаток. Этот остаток и несут в себе нарративы. Нарратив – это знание, которое не ограничивается критерием истины, в большей мере оно определяется по деловым критериям, критериям добра и зла, красоты звучания и т.п. Нарративы отвечают за широкое образование компетенций, а не частные знания о частных аспектах мира. В некоторых своих характеристиках нарративы схожи с обычаями и мифами. Нарративы свойственны традиционному типу общества, они часто предстают в виде рассказов, народных историй, повествований о жизни культурных героев и т.п. Нарратив предполагает в себе разнообразие используемых языковых игр.

В отечественной литературе в постмодернистском ключе проблему знания и информации ставит Д.В. Иванов. Критикуя апологетов информационного общества, он пишет: «если разобраться в теоретическом смысле расхожего понятия «информационное общество» и проанализировать то, что действительно происходит в обществе рубежа веков, то можно прийти к парадоксальному выводу: внедрение в жизнь человека так называемых «информационных технологий» скорее удаляет нас от того информационного общества, о котором писали Д. Белл, А. Турен, Э. Тоффлер, П. Дракер, З. Бжезински, Й. Масуда и др.» [3]. Основной дефект в теоретических построениях вышеперечисленных авторов, который не позволил им верно спрогнозировать грядущие социокультурные изменения, Д.В. Иванов видит именно в игнорировании различия между знанием и информацией. «Информации в современном обществе много, она играет колоссальную роль, – отмечает он – но отсюда вовсе не следует, что в современном обществе знание – сила» [3]. Вся проблема состоит в том, что не все авторы в своих работах четко дифференцируют сообщение (послание), интерпретацию (восприятие) и коммуникацию. Сообщение представляет собой передаваемый продукт интеллектуальной деятельности человека, т.е. «вещь»; интерпретация – это то, что передается, т.е. «мысль»; а коммуникация – это сам процесс передачи, трансляции.

Итак, современное общество демонстрирует нам многократное увеличение коммуникаций, т.е. актов передачи информации, но не в коем роде не изменение или улучшение самих сообщений или их интерпретаций. Информационное общество – это общество с развитой системой коммуникаций: печатных изданий, телеграфа, радио, телевидения, лекций и семинаров в рамках системы всеобщего образования и, конечно же, сети Интернет, а быть информированным в этом обществе – значит вступать как можно в большее число коммуникаций, а вовсе не больше знать или понимать. Специфика информации состоит в том, что она операциональна, т.е. служит оправданием, обоснованием действия. Д.В. Иванов предлагает следующее итоговое определение информации: «информация – это коммуникация, операция трансляции символов, побуждающая к действию» [3]. Исходя из данного определения, становится понятным, почему именно Интернет, а не, например, базы данных или искусственный интеллект, стал символом информационной революции. Интернет предоставляет практически неограниченные возможности для коммуникации.

К безусловному достижению постмодернистской социальной и гуманитарной науки мы бы отнесли, в частности, то, что в ее пределах удалось прояснить, что именно скрывается за понятиями «информация» и «знание», и убедительно показать, что информационная революция как

революция, связанная с развитием информационных технологий, не означает прихода знаниевой революции, более того, что для общества, находящегося в состоянии «пост», знание как раз и является одной из основных проблем.

Литература:

1. Бодрийяр, Ж. Симулякри і симуляція / Ж. Бодрийяр. – Київ: ОСНОВИ, 2004.
2. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000.
3. Иванов, Д.В. Виртуализация общества / Д.В. Иванов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
4. Леонов, А.М. Познание сложности. Введение в философию х-науки / А.М. Леонов. – Якутск, 2002.
5. Лиотар, Ж.Ф. Состояние постмодерна / Ж.Ф. Лиотар. – СПб., Алетейя, 1998.
6. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – К.: Ника-Центр, 1996.– 208 с.; Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц / М.Фуко.– М.: Касталь, 1996.

СИТУАЦИИ ИНВЕКТИВЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИНТЕРАКЦИЯХ: НАМЕРЕНИЕ ИЛИ НЕДОРАЗУМЕНИЕ?

С.Г. Мысык, г. Одесса, Украина

1. Инвективой называют «культурный феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему текста, а также устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той или иной культурной традиции в качестве оскорбительного для своего адресата. Механизмом инвективы, как правило, выступает моделирование ситуации нарушения культурных требований со стороны адресата инвективы, выхода его индивидуального поступка за пределы очерчиваемой конкретно-национальной культурой поведенческой нормы независимо от степени реальности и в целом реалистичности обвинения». [1, с. С.420-422] Инвективита рассматривается как один из механизмов замещения реального насилия вербальной моделью агрессии в пределах реализации какого-либо социально или культурно значимого дискурса.

2. С когнитивной точки зрения дискурс можно рассматривать как реализацию определенных субъективных ситуативных моделей коммуникации. Субъективные ситуативные модели коммуникации, согласно Т. ван Дейку, не только отражают знания о конкретных событиях, но также убеждения и мысли (оценочные суждения). Они составляют референциальный базис для интерпретации дискурса, а не фрагментов реального мира или ситуаций и представляют собой интегрированные